

Научная статья
УДК 821.581
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-167
EDN XWKGTU

**Русская школа востоковедения и выдающиеся синологи
о постижении китайской словесности и культуры**

Лань Хаофан¹, Владимир Иванович Аннушкин^{2✉}

¹Аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва.

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва.

¹18742048979@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-4085-5867>

²annushkin1620@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3121-4215>

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ этапов эволюции российского китаеведения, охватывающий временной промежуток от первой половины XIX века до начала XX века. Методология исследования предполагает анализ трудов трех выдающихся сиологов: Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева и В. М. Алексеева, а также дальнейший анализ научных течений, следующих из их значимых вкладов в развитие китайской культуры, языка и российского китаеведения. Начиная с XVIII века в России активно использовались прямые переводы с китайского и маньчжурского языков для анализа словесных и культурных текстов Китая. Систематические исследования охватывали широкий спектр аспектов, включая, но не ограничиваясь классической литературой, народной культурой, конфуцианством, даосизмом и религиозными убеждениями. В результате этого плодотворного научного труда появилось значительное количество монографий, охватывающих разнообразные сферы исследования. Однако несмотря на широкий диапазон этой активности, следует отметить, что формирование научных школ, посвященных китаеведению, удалось полноценно завершить только в XX веке. Этот период придал новый импульс развитию уникального научного направления в России, выраженного в формировании концептуальных и методологических подходов к изучению китайской культуры и языка. В свете вышеописанных усилий российское китаеведение предстает как сложная историческая динамика, где традиции, заложенные выдающимися учеными, сыграли ключевую роль в формировании фундаментальных научных принципов. Одновременно становление китаеведения стало результатом гармоничного сочетания исследовательского усилия, методологической эволюции и научного наследия, оставив важный след в академическом наследии России.

© Лань Хаофан, Аннушкин В. И., 2024

Ключевые слова: китаеведение; синологи; словесность; история китаеведения; китайская культура; Россия; Китай

Для цитирования: Лань Хаофан, Аннушкин В. И. Русская школа востоковедения и выдающиеся синологи о постижении китайской словесности и культуры // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 167-179. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-167>. <https://elibrary.ru/XWKGTU>.

Original article

**Russian school for Oriental studies and prominent sinologists
on learning chinese literature and culture**

Lan Haofang¹, Vladimir I. Annushkin²✉

¹Postgraduate student, A.S. Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.

²Doctor of philology, professor, department of Russian literature and intercultural communication, A.S. Pushkin State Russian Language Institute

¹18742048979@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-4085-5867>

²annushkin1620@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3121-4215>

Abstract. The present study analyzes the evolution of Russian Chinese studies, covering the period from the first half of the XIX century to the beginning of the XX century. The methodology of the study involves analyzing the works of three prominent sinologists: N. Ya. Bichurin, V.P. Vasiliev and V.M. Alekseev, as well as further analysis of scientific trends arising from their significant contribution to the development of Chinese culture, language and Chinese studies in Russia. From the XVIII century onwards, direct translations from the Chinese and Manchu languages have been actively used in Russia to analyze Chinese verbal and cultural texts. Systematic studies covered a wide range of aspects including but not limited to classical literature, popular culture, Confucianism, Taoism, and religious beliefs. This scholarly endeavor has resulted in a significant number of monographs covering a variety of research areas. However, despite the wide range of this activity, it should be noted that the formation of scientific schools for Chinese studies was only completed in the XX century. This period gave a new incentive to the development of a unique scientific direction in Russia, which was the formation of conceptual and methodological approaches to studying Chinese culture and language. In light of the efforts described above, Chinese studies in Russia appear as a complex historical dynamics where the prominent scholars' traditions play a key role in shaping the fundamental scientific principles. At the same time, the formation of Chinese studies is the result of a harmonious combination of research effort, methodological evolution and scientific heritage, which greatly influenced the Russian academic heritage.

Key words: Chinese studies; sinologists; literature; history of Chinese studies; Chinese culture; Russia; China

For citation: Lan Haofang, Annushkin V. I. Russian school for Oriental studies and prominent sinologists on learning Chinese literature and culture. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 167-179. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-167>. <https://elibrary.ru/XWKGTU>.

Введение

Вне всякого сомнения, русская словесность, как и культура в целом, значительно обогатились словесно-культурными связями не только с Западом, но и с Востоком, а русский язык, по словам А. С. Пушкина, «перемчивый и общежительный», многое взял и впитал от восточной мудрости и конкретных текстов, которые осваивали, прежде всего, российские ученые-китаеведы. Целью нашей работы является исследование влияния и обогащения русской культуры и словесности в целом в результате контактов с классической китайской литературой, которая, конечно, имеет исключительное своеобразие, не всегда понятное рядовому читателю. Безусловно, это процесс взаимообразный, потому что каждая культура обогащается в результате подобных связей и основная задача при этом – показать реальный, отличимый смысл текстов другой национальной культуры, не приписывая ей черт культуры родной. Именно такой позиции придерживались выдающиеся российские китаеведы, стремившиеся охватить в полной мере всю китайскую классическую словесность (литературу) во всем многообразии ее жанров.

Вопрос «Восток и Россия» представляет собой важный аспект в развитии человеческой цивилизации и остается актуальным более тысячи лет, начиная с возникновения русской государственности. Особое значение в исторических взаимоотношениях России с восточными народами и в углублении понимания русскими Востока придается Китаю – «многовековому, многомиллионному, связанному с нами узами той дружбы, которою в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и

народов» [Георгиевский, 1890, с. 271]. Как отметил А. С. Мартынов, «Китай и Россию, с точки зрения взаимодействия народов и обществ, можно рассматривать как части гигантского геополитического целого на материке Евразии. Эти части – два наиболее крупных очага земледелия, которые, подобно двум чашам весов, непосредственно примыкают к длинному коромыслу – бескрайнему поясу евразийских степей и пустынь, протянувшихся от Карпат до Великой Китайской стены. Именно вхождение в этот гигантский геополитический комплекс и сформировало в обеих странах на протяжении многих веков основные структуры их внутри- и внешнеполитического бытия – борьбу поля со степью» [Мартынов, 1995, с. 168].

Россия занимает свое место на Евразийском континенте, и ее уникальное положение обусловлено географическими особенностями, что придает ей двойственную евразийскую идентичность. В ходе исторического развития эта особенность только усиливалась. В 988 году н. э. Россия приняла православие в качестве государственной религии и освоила христианскую культуру, став частью европейского культурного пространства. Позднее, в период с 1240 по 1480 год, Русь была подвергнута монгольскому владычеству, что привнесло значительное влияние восточной культуры. Это влияние монголов охватило все сферы общественной жизни, длительное время определяя ее характер. Таким образом, культурные традиции России выражают евразийский дуализм в результате взаимодействия европейских и восточных культурных влияний.

Именно вследствие этой евразийской двойственности в культурной традиции Россия всегда признавала высокую значимость как восточной, так и западной культур, проявляя готовность воспринимать влияние с обеих сторон. Яркими примерами этого служат реформы Петра I в начале XVIII века, которые начались с полной западнизации, но затем произошел активный переход к изучению Востока, особенно китайской культуры. Это время считается зарождением российского китаеведения как научной области изучения китайской словесности, если под словесностью понимать «все произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная литература, охватывает все науки о языке и литературе – грамматику и лексикологию, историю и теорию литературы, стилистику и риторiku и другие науки» [Альбеткова, 2000, с. 9].

С начала XVIII века, в связи с потребностью в интенсивном взаимодействии между двумя странами, особенно в период правления Петра I и императора Канси из династии Цин, происходили частые обмены, способствовавшие возникновению и развитию российского китаеведения. Уже с начала XVII века между Россией и Китаем начались обмены посланниками и персоналом, и некоторые из них оставили документированные свидетельства. Правда, интерес к Китаю часто носил экзотический характер, то есть Китай воспринимался как экзотическая страна с довольно странными обычаями, может быть, мудрыми и глубокими, но не вполне понятными европейцам, особенно при постижении не только китайской художественной литературы, но и китайской словесной действи-

тельности того или иного исторического времени [Аннушкин, 2023].

После зарождения русского китаеведения его первоначальное развитие происходило медленно, и потребовалось примерно сто лет, чтобы достичь зрелости. В период с начала первой половины XIX века до начала XX века, в истории русского китаеведения выделяются три эпохальные фигуры: Н. Я. Бичурин (1777–1853, первая половина XIX века), В. Васильев (1818–1900, вторая половина XIX века) и В. М. Алексеев (1881–1951, первая половина XX века). После В. М. Алексеева наступил четвертый период, когда научными исследованиями в области китаеведения занялась целая группа ученых, вышедших из школы В. М. Алексеева.

В предстоящем развернутом исследовании будет проведен систематический анализ исторического развития российского китаеведения, в котором мы воспользуемся четырьмя четко выделяемыми периодами в качестве вертикальных осей анализа. В контексте данной аналитической структуры мы планируем детально исследовать основные характеристики каждого периода, что позволит нам более глубоко рассмотреть ключевых ученых и их наиболее значимые труды в каждом из периодов. Целью такой организации является выявление траектории распространения китайской словесности и культуры в России, а также более глубокое понимание русскими учеными китайской словесности и культуры.

Российское китаеведение: история формирования

23 марта 1741 года синолог И. К. Россохин впервые переступил порог Академии наук, «заложил основы российского китаеведения, положил

начало изучению истории Китая, его географии и традиционной философии и культуры» [Суходолов, 2019, с. 12]. Однако следует отметить, что этому событию предшествовали усилия многих людей в России, посвятивших себя деятельности по ознакомлению и распространению сведений о Китае. История взаимоотношений между Китаем и Россией прослеживается с конца XV века, когда Русское государство, ядром которого стала Москва, начало активно устанавливать контакты с Китаем. Самые ранние письменные свидетельства об этом процессе находятся в «Хождении за три моря» русского купца Афанасия Никитина, где тот пишет о Китае: «А делают там фарфор и все дешево...» Афанасий Никитин различает разные области Китая: «Хатай» – это Северный Китай, «Чин», «Мачин» – Южный Китай [Хождение за три ... , 1948, с. 65].

На рубеже XVII-XVIII вв. Российское государство превратилось в Российскую империю. В ее внешнеполитических интересах в Азии, на Дальнем Востоке, экономических связях с внешним миром особое место приобретает Китай, ставший в этот период могущественной Цинской империей, властители которой считали, что не имеют себе равных в Поднебесной [Мясников, 2017]. Для установления прямых контактов с Китаем и изучения возможностей экономической и политической экспансии Российская империя заняла активную позицию в отношениях с китайским правительством. Приблизительно в конце правления династии Мин и начале династии Цин российские чиновники начали предпринимать усилия для получения информации о Китае из первых рук. В целях ускорения процесса подготовки

кадров и углубления знаний о Китае Россия также привлекала ученых-китаеведов с Запада.

В 1724 году Петр I издал указ о создании Императорской академии наук (Петербургской академии наук) и пригласил в нее немецкого востоковеда Байера. Байер был назначен членом академии для помощи России в адаптации результатов западноевропейской синологии к российскому контексту. Но он «не сделал даже попыток, живя среди русских, изучить русский язык и подготовить себе преемника, хотя Устав Академии наук к этому обязывал всех академиков» [Скачков, 1966, с. 163].

Кроме того, посольства и миссии, направленные царским правительством в Пекин, выполняли двоякую функцию. С одной стороны, они осуществляли знакомство китайского населения с политическим и культурным положением России с ориентацией на миссионерские цели распространения восточно-православной веры. С другой стороны, миссии были поручены «задачи сбора сведений о всех дорогах в Китай, о торговле внутри страны, и возможности торговли России с Китаем» [Скачков, 1977, с. 19]. Этот подход явился пионерским этапом в истории раннего русского китаеведения, способствуя формированию первого поколения русских синологов.

С одной стороны, китайские литературные памятники, такие как «Беседы и суждения» («Лунь Юй»), «Учение о Середине» («Чжун юн»), «Юань ши» (содержит в себе хронологическое изложение событий царствования императоров династии Юань, одной из 24 династических историй Китая, составлена Сун Лянме в 1370 году во время династии Мин, состоит из 210 свитков) и другие, впервые были

переведены на русский язык религиозными миссиями. С другой стороны, они использовали методы современных европейских научных исследований для расширения представлений о Китае, проведения исследований, формулирования обобщений и составления сводок. Эти методы основывались на непосредственном контакте с оригинальной китайской литературой и обществом.

Основные научные достижения первых русских синологов касались обширного объема переводов, аннотаций и сбора разведывательной информации. Например, И. К. Россохин, первый русский синолог, перевел «Канон трех иероглифов» («Сань-цзы-цзин»), «Тысячесловие» («Цянь-дзы-вынь») и «Двадцать четыре сяо» (двадцать четыре героя древнего Китая, известных своим почтительным отношением к родителям). Его рукописи были востребованы в образовательных целях. Другой синолог, А. Л. Леонтьев, перевел «Четверокнижие» («Сышу»), «Канон трех иероглифов» («Сань-цзы-цзин»), «Великое учение» («Да сюэ») и «Учение о Середине» («Чжун юн»). Он также участвовал в переводе шестнадцатитомника «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в восьми знаменах состоящего» («Бацзи тунчжи») в сотрудничестве с И. К. Россохиным. После смерти И. К. Россохина в 1761 году А. Л. Леонтьев самостоятельно завершил перевод четвертого, пятого, восьмого до шестнадцатого тома и редактировал семнадцатый том (аннотированный). В этом труде рассказывалось о том, кто такие маньчжуры и как они завоевали Китай.

Период Н. Я. Бичурина

В первой половине XIX века российская китаеведческая наука постепенно эволюционировала в самостоятельную дисциплину, события этого периода *выделяются двояко: во-первых*, формируется группа китаеведов, обладающих обширными знаниями и ведущих многопрофильные исследования; *во-вторых*, сама основа китаеведческих исследований перемещается от стадии простого перевода к активному сбору материалов, переводу произведений, последующему глубокому анализу и исследованиям, что в результате приводит к целому ряду академических открытий.

Ключевой фигурой этого периода становится Н. Я. Бичурин. В 1807 году Н. Я. Бичурин был назначен главой девятой русской православной религиозной миссии в Пекине, и в 1808 году он прибыл в Пекин, где прожил 14 лет. За это время «правилом жизни Бичурина был постоянный, ежедневный, упорный труд» [Денисов, 2007, с. 93], он подробно изучил китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский языки, создал ряд двуязычных словарей, многоязычных лексиконов и грамматик китайского языка, а также перевел обширное количество китайских классических произведений и текстов. Начальные исследования Бичурина фокусировались на географии, истории и этнической принадлежности северного и северо-западного Китая, в основном включая сбор и перевод китайских книг и историко-географических материалов различных династий, а также их аннотации с собственными наблюдениями и впечатлениями, таких как «Описание Тибета. В нынешнем его состоянии. С картой дороги от Чен-ду до Лхассы, ч. I-II»,

«Историческое обозрение ойратов или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом», «История первых четырёх ханов из дома Чингисова», «История Тибета и Хухунов». Его переводы, такие как «Китай в гражданском и нравственном состоянии», «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание Китайской империи», демонстрируют исследовательские достижения Н. Я. Бичурина в области государственного устройства Китая и общих национальных условий. Кроме того, он перевел «Четверокнижие» и «Троесловие с литографированным китайским текстом» («Саньцзы-цзин»), интегрируя перевод с глубоким анализом и проницательными аннотациями.

Своим неутомимым трудом Н. Я. Бичурин «прорубил окно» на Восток [Родионов, 1991, с. 21]. Результаты его китаеведческих исследований обладают непреходящей ценностью, постоянно развиваются и многократно переиздаются его последователями. Его другое произведение «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии» систематизировано и отредактировано последующими поколениями китаеведов, такими как профессор Ленинградского университета Л. Н. Гумилев, и опубликовано в 1960 году.

Период В. П. Васильева

Создание кафедры китайского языка на Восточном факультете Казанского университета в 1837 году является значимым событием, поскольку оно сопровождалось переносом ракурса синологии из сферы деятельности Русской православной духовной миссии в Пекине в Казань. С момента назначения В. П. Васильева преподавателем китайского и маньчжурского языков в

1851 году начался период, который можно охарактеризовать как Васильевский этап развития русской синологии. В данный период сформировалась российская китаистика, что привело к первому подъему переводов и освоению текстов китайской культуры. Результатом этого процесса стали значительные труды, в которых академически изучались различные аспекты китайской лингвистики и культуры. Следует отметить, что в 1855 году Восточный факультет Казанского университета был закрыт в связи с изменениями в политической обстановке и реорганизацией учебных заведений. Преподаватели и студенты были переведены в Санкт-Петербургский университет, и этот переход оказал сильное влияние на дальнейшее развитие русской китаистики.

В. П. Васильев родился в 1818 г. в Нижнем-Новгороде, в 1834 г. поступил на восточное отделение филологического факультета Казанского университета, в 1837 г. он окончил университет и приступил к работе над кандидатской диссертацией, защитив её в 1837 г. на тему буддийского сочинения «Хутухту Декгэду Алтан Гэрэльту Судур-ногодун Эркету Хаган» [Скачков, 1977], защита диссертации привлекла внимание научного сообщества к В. П. Васильеву. В 1839 г. В. П. Васильев был отправлен в составе двенадцатой духовной миссии в Пекин, ему поручалось изучение литературы, истории, географии и статистики, религии, наук и искусства, торговли и промышленности Китая, Тибета, Маньчжурии и Монголии «как в настоящее время, так и в предшествовавший период» [Обозрение хода ... , 1852, с. 55].

Исключительное направление научных достижений В. П. Васильева – история буддизма в Китае и Индии. В

трактовке В. П. Васильева буддизм – «удивительнейшая и громаднейшая мистификация, какую когда-либо видело человечество» [ЖМНП, 1900, с. 69]. Среди его значительных работ следует выделить «Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I. Общее обозрение», «Религия Востока, Конфуцианство, Буддизм и Даосизм», «Буддийский терминологический словарь. Махавьютпатти», «Обозрение Буддийской литературы». В области языка и литературы В. П. Васильев написал «Очерки истории китайской литературы» и создал сопутствующие «Материалы по истории китайской литературы. Лекции», перевел ряд произведений, включая «Шицзин», а также составил несколько словарей для изучения языка, таких как «Маньчжурско-русский словарь» и «Анализ китайских иероглифов». «Очерки истории китайской литературы» являются первым в мире обзором истории китайской литературы, который состоит из трех частей. Первая часть – введение, в котором речь идет об основе и условиях возникновения китайских документов. Во второй (главной) части можно найти подробные комментарии к конфуцианству, буддизму и даосизму в Китае. Третья – посвящена технологиям и художественной литературе [Ван Ичань, 2019]. Монография В. П. Васильева вызвала значительный отклик в российской академической общественности и послужила основой для последующих образовательных и исследовательских инициатив российских синологов. Её содержание насыщено разнообразными темами, охватывающими широкий спектр дисциплин, что делает её типичным примером ранних исследований в области российской синологии

и обобщением научных достижений того времени.

В середине XIX века отечественная синология проявила интерес к китайскому фольклору и героическому эпосу, проведя целый ряд исследований в данной области. Важным результатом стал труд «Мифические воззрения и мифы китайцев», написанный учеником выдающегося академика В. П. Васильева, профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета С. М. Георгиевским. В данном трактате детально анализируется происхождение китайских мифов и их характеристики, раскрываются архаические мифологические сюжеты, зародившиеся и распространенные на территории Китая. Кроме того, исследована идеологическая основа создания и распространения мифологических сюжетов в Древнем Китае. Древние китайские образы императоров, такие как Фу Си, Шэн Нун, Хуанди, Яо, Шун и другие, появились из мифологического восприятия китайцев и стали частью народной мифологии. Впоследствии Конфуций умело использовал эти мифологические образы, придавая им идеализированный характер правителей. Это придало народным мифам философский смысл и усложнило исследования китайских мифов для синологов. Такой эволюционный путь поднесения мифов к уровню философии создал сложные проблемы для исследователей, требующие глубокого анализа взаимодействия мифологии и философии в китайской традиции.

Отметим, что выдающийся русский писатель Лев Толстой также придавал серьезное внимание изучению китайской культуры, истории и философии. С начала 1880-х годов Л. Н. Толстой регулярно обращался к трудам Конфуция, Мэн-

цзы, Лаоцзы, Моцзы и других мыслителей, создавая собственные переводы и комментарии, в частности, к «Дао дэ цзин» («Книга пути и достоинства»). Кроме того, он писал сочинения с комментариями о Конфуции и Лаоцзы.

Период В. М. Алексеева

Если Н. Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В. П. Васильев и его школа создали реальную научную основу для их всестороннего изучения [Пиков, 2020]. В первой половине XX века, в период В. М. Алексеева, русское китаеведение претерпело значительное трансформационное воздействие, выявив новаторские идеи относительно поставленных задач, целей и методологии исследования. В. М. Алексеев внес существенный вклад в комплексное развитие как русского, так и советского китаеведения, став общепризнанным основоположником нового этапа советской китаеведческой науки. Его труды и наставническая деятельность выступили в качестве катализатора для формирования «Алексеевской школы», в рамках которой ряд исследователей активно сотрудничал и обогащал общенациональное китаеведческое наследие.

За пять десятилетий активной научной деятельности В. М. Алексеев создал переводы обширного корпуса китайской литературы с множеством трактатов. В качестве президента Академии наук он получил прозвище «Ханьлинь», не только в силу своего высокого положения, но также за счет признания его в качестве ведущего синолога китайскими коллегами. В соответствии с изложением его собственной концепции, «надо под синологией разумеать научную теорию китайского культурокомплекса и его вы-

разителя – китайского языка, теорию, которая непременно соединена с овладением этим последним на предмет свободного исследования всех китайских источников, она не замкнута в самой себе, а располагается по линиям мировой науки о природе и человеке» [Алексеев, 1982, с. 120], иными словами, это объединение дисциплин, посвященных Китаю, китайской культуре, а также китайскому языку и письменности. Дополнительно В. М. Алексеев проявлял большой интерес к сравнительным исследованиям культуры и философии Востока и Запада. Его убеждение заключалось в том, что «востоковедение, как все прочие науки, требует общения с миром и знания иностранных языков» [Алексеев, 1982, с. 193].

В период с 1906 по 1909 год, молодой Алексеев, обучаясь в Китае, принимал уроки у китайского учителя и изучал трудные китайские классические произведения. Как и большинство начинающих изучать китайский язык, он часто понимал каждый знак буквально, но не мог понять его значение. В таких случаях он обращался за советом к своему китайскому учителю, чьи разъяснения часто превосходили его ожидания. Учитель цитировал множество текстов и приводил примеры из контекста, подчеркивая тем самым скрытый смысл своих слов. Это обучение позволило В. М. Алексееву взглянуть шире на вопрос изучения китайской литературы. Он решил выбрать одно из самых труднопознаваемых произведений китайской классической литературы – «Китайскую поэму о поэте. Стансы Сыкун Ту», и решительно стремился освоить его. Он тщательно изучал «Пэйвэнь юнь фу» (крупнейший китайский фонетический словарь

XVIII в.), анализируя значения каждого слова и рассматривая, как они использовались в предыдущих произведениях. Записи о выражениях, которые он выбирал для каждого знака, не только помогали ему понять оригинал, но и служили важным материалом для примечаний к тексту. Иногда он обращался к словарям, таким как «Словарь Канхи» и «Сыку цюаньшу» (полное собрание классических произведений различных династий), чтобы найти ответы. После нескольких лет упорного исследования, он наконец завершил этот трудоемкий проект, который характеризует его как исследователя.

«Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» разделена на две части, в первой из которых проводится анализ истории, содержания, художественных приемов и места этой «Поэмы» в китайской и мировой литературе. Также рассматриваются вопросы введения в издания «Поэмы», анализа комментаторов, явлений подражания и английских переводов. Освещаются личность Сыкун Ту, исторический контекст его эпохи, его опыт и биографический материал, а также характер его личности поэта. В заключение рассматривается методологический подход к данной поэме. Вторая часть представляет собой перевод и комментарии к «Поэме», включая переводы как прямой, так и вольный. Это уникальное сочетание анализа, экзегезы и перевода является оригинальным вкладом в область китаеведения.

В сфере китайской культуры В. М. Алексеев уделяет особое внимание «дао» и «вэнь» в контексте даосской мысли. По его мнению, «“дао” – это правило, являясь абсолютной истиной, находящейся вне человеческого достижения, всё же изучалось на основе своего предвечного состояния и шло

почивать на одном из людей, или человек есть третья стихия мира после неба и земли, а “вэнь” – культура, образование, просвещение, литература» [Алексеев, 1978, с. 56]. В китайской традиции толкования понятий «дао» и «вэнь» совпадают с объяснениями в русской традиции понятия *слово*, которое воплощает в себе идею *Слова-Логоса*, равнозначную идее Бога, Божественного сотворения мира и человека, который наделяется даром слова [Аннушкин, 2009].

Сам В. М. Алексеев уделял значительное внимание переводам, среди которых выделяются «Избранные рассказы Ляо Чжэя». Он выделял несколько основных типов персонажей в повести, подчеркивая художественный стиль и литературные приемы произведения. После ухода В. М. Алексеева из жизни, его неопубликованные исследования были представлены общественности его дочерью и учениками в трех сборниках: «Китайская литература», «Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях» и «Наука о Востоке». Эти три сборника отражают достижения В. М. Алексеева в области китаеведения с позиций филологии, этнографии, истории, поэтики, фольклора, эстетики, а также теории и практики перевода.

Заключение

В своем раннем становлении российское китаеведение прошло постепенную и зрелую эволюцию, завершившуюся через столетие. С первой половины XIX века до начала XX века в сфере китаеведения выделяются три выдающихся ученых – Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев и В. М. Алексеев, чьи влиятельные труды оставили в науке китаеведения неизгладимый след.

С начала XVIII века в России при исследовании китайских философских, исторических и культурных текстов активно использовались непосредственные переводы с китайского и маньчжурского языков. Эта традиция переводов и исследований просуществовала более двух веков, охватывая широкий спектр материалов и принося значительные результаты. От классической литературы до народной культуры, от конфуцианства и даосизма до религиозных убеждений и т. д. – все эти аспекты были предметом тщательного и всестороннего изучения, порождая множество монографий, включая исследования по языкам и культурам этнических меньшинств Китая.

Китайский язык, принадлежащий к гетерогенной индоевропейской семье, с его уникальной иероглификой и независимо развитой цивилизацией, рассматривается в Европе как один из наиболее практичных для представителей на мировой арене. Без глубокого понимания китайских традиций и современной духовности трудно оценить в полной мере поразительный прогресс в производстве материальных благ, который мы отмечаем в Китае начала XXI века. Этот прогресс подчеркивает выдающийся вклад китайской цивилизации и тесно связан с активными усилиями российского Китаеведения на протяжении последнего столетия.

Библиографический список

1. Алексеев В. М. Китайская литература. Москва : Наука, 1978. 595 с.
2. Алексеев В. М. Наука о Востоке. Москва : Наука, 1982. 535 с.
3. Альбеткова Р. И. Русская словесность: от слова к словесности. Учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. Москва : Дрофа, 2000. 301 с.
4. Аннушкин В. И. Словесность как наука – искусство – творчество: из прошлого в будущее // Русская словесность. 2023. № 5. С. 73–82.
5. Аннушкин В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове. Москва : Русская школа, 2009. 320 с.
6. Ван Ичань. Переводы и исследования китайской классической прозы в России (XVIII–XX века) // Проблемы востоковедения. 2019. № 2. С. 75–81.
7. Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1890. 271 с.
8. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2007. 93 с.
9. ЖМНП, 1900, номер 7, отд. IV, с. 69.
10. Мартынов А. С. Россия и Китай: сходство наследия – общность судьбы // Звезда. 1995. № 10. С. 167–176.
11. Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного Китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1. С. 20–39.
12. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год / Сост. орд. проф. Карлом Фойгтом. Казань : Унив. тип., 1852. С. 50–56.
13. Пиков Г. Г. Формирование исторического подхода к изучению азиатских кочевников в трудах В. П. Васильева (1818–1900) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 151–156.

14. Родионов В. По пути к храму // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти: поэзия, статьи, очерки, письма / сост., предисл. и коммент. В. Г. Родионова. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1991. С. 3–22.

15. Скачков П. Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк) // Международные связи России в XVII и XVIII вв. Москва : Наука, 1966. 163 с.

16. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. Москва : Наука, 1977. 206 с.

17. Суходолов А. П. И. К. Россохин: Иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения / А. П. Суходолов, В. А. Василенко, Ю. В. Кузьмин // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 2. С. 7–16.

18. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. / под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 65 с.

Reference list

1. Alekseev V. M. Kitajskaja literatura = Chinese literature. Moskva : Nauka, 1978. 595 s.

2. Alekseev V. M. Nauka o Vostoke = Science about the East. Moskva : Nauka, 1982. 535 s.

3. Al'betkova R. I. Russkaja slovesnost': ot slova k slovesnosti = Russian literature: from word to literature. Ucheb. dlja 7 klassa obshheobrazovat. uchrezhdenij. Moskva : Drofa, 2000. 301 s.

4. Annushkin V. I. Slovesnost' kak nauka – iskusstvo – tvorcestvo: iz proshlogo v budushhee = Literature as science - art - creativity: from the past to the future // Russkaja slovesnost'. 2023. № 5. S. 73–82.

5. Annushkin V. I. Jazyk i zhizn'. Kniga o russkom jazyke – rechi – slove = Language and life. A book about the Russian language - speech - word. Moskva : Russkaja shkola, 2009. 320 s.

6. Van Ichan' Perevody i issledovanija kitajskoj klassicheskoj prozy v Rossii (XVIII–XX veka) = Translations and studies of Chinese classical prose in Russia (XVIII–XX centuries) // Problemy vostokovedenija. 2019. № 2. S. 75–81.

7. Georgievskij S. M. Vazhnost' izuchenija Kitaja = The importance of studying China. Sankt-Peterburg : tip. I. N. Skorohodova, 1890. 271 s.

8. Denisov P. V. Slovo o monahe Iakinfe Bichurine = A tale of Monk Iakinf Bichurine. Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2007. 93 s.

9. ZhMNP, 1900, nomer 7, otd. IV, s. 69.

10. Martynov A. S. Rossija i Kitaj: shodstvo nasledija – obshhnost' sud'by = Russia and China: similarity of heritage - common destiny // Zvezda. 1995. № 10. S. 167–176.

11. Mjasnikov V. S. Rossija i Vostok. Stanovlenie otechestvennogo kитаеведения = Russia and the East. Evolution of Russian Chinese studies // Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal. 2017. № 1. S. 20–39.

12. Obozrenie hoda i uspehov prepodavanija aziatskih jazykov v Kazanskom universitete za desjatiletie s 1842 po 1852 god = Overview of the progress and successes

of teaching Asian languages at Kazan University in the decade from 1842 to 1852 / Sost. ord. prof. Karlom Fojgtom. Kazan' : Univ. tip., 1852. S. 50–56.

13. Pikov G. G. Formirovanie istoricheskogo podhoda k izucheniju aziatskih kochevnikov v trudah V. P. Vasil'eva (1818-1900) = Developing a historical approach to studying Asian nomads in V. P. Vasiliev's works (1818-1900) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2020. № 66. S. 151–156.

14. Rodionov V. Po puti k hramu = On the way to the cathedral // N. Ja. Bichurin (Iakinf). Radi vечноj pamjati: poezija, stat'i, ocherki, pis'ma / sost., predisl. i koment. V. G. Rodionova. Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1991. S. 3–22.

15. Skachkov P. E. Istorija izuchenija Kitaja v Rossii v XVII i XVIII vv. (kratkij ocherk) = The History of studying China in Russia in the XVII and XVIII centuries (a short review) // Mezhdunarodnye svjazi Rossii v XVII i XVIII vv. Moskva : Nauka, 1966. 163 s.

16. Skachkov P. E. Oчерki istorii russkogo kitaavedenija = Essays on the history of Chinese studies in Russia. Moskva : Nauka, 1977. 206 s.

17. Suhodolov A. P. I. K. Rossokhin: Irkutskoe nachalo rossijskogo kitaavedenija i man'chzhurovedenija = I. K. Rossokhin: The Irkutsk origins of Russian Chinese and Manchu studies / A. P. Suhodolov, V. A. Vasilenko, Ju. V. Kuz'min // Rossijsko-kitajskie issledovanija. 2019. T. 3. № 2. S. 7–16.

18. Hozhdenie za tri morja Afanasija Nikitina 1466-1472 gg. = Afanasy Nikitin's Voyage Beyond the Three Seas 1466 1472 / pod red. akad B. D. Grekova i chl.korr. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc, Moskva ; Leningrad : Izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1948. 65 s.

Статья поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 21.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024